

ДМИТРИЙ
КОРОВНИКОВ

20

КУРСАНТ
УМГЕРД

Курсант Империи

Дмитрий Коровников

Курсант Империи - 20

«Автор»

2026

Коровников Д. Н.

Курсант Империи - 20 / Д. Н. Коровников — «Автор»,
2026 — (Курсант Империи)

Ты молод, богат и беззаботен? Думаешь, мир у твоих ног? Что ж, пришло время расплаты, парень! Родина-мать призывает тебя под ружье. Забудь о девочках, тусовках и папином наследстве. Теперь твой дом казарма, а семья братья по оружию. Империя не спрашивает, она приказывает. И ей плевать, мечтал ли ты стать ее защитником или нет. Так что заткнись, бери штурмовую винтовку, натягивай броню и готовься к бесславной гибели на очередной забытой Богом планете, в окружении таких же недоносков, как ты. P.S. И помни: твоя жизнь теперь принадлежит Российской Империи. И сдохнуть за нее не самый худший из имеющихся вариантов. Такие дела, курсант Васильков...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Дмитрий Коровников

Курсант Империи - 20

Глава 1

Ракетница дёрнулась в руке, и корни дерева на миг стали видны так, как видят при молнии: всё сразу и уже без надежды забыть.

Стрелял я с ветки почти вертикально вниз, в самую гущу — туда, где хитин копошился плотнее всего и где передние твари уже пробовали ствол на клешню. Заряд лёг в песок у основания, и снизу вверх по дереву поднялась волна жара, сухая и тяжёлая, будто кто-то распахнул заслонку паровозной топки. Забрало затемнилось. Показалось, что кора под перчатками нагрелась даже сквозь броню. Внизу заскрежетало, как ножом по стеклу, и хитиновые спины скорпионов бросились в стороны, точно капли воды по раскалённому листу железа.

Вторую ракету я положил чуть дальше, на кромку кольца, чтобы огонь лёг полосой, а не пятном. Логика была нехитрая: если твари есть куда отступать, она отступит. Отступили. Песок под деревом оплавился двумя бледными лужами, стеклянисто блестящими сквозь дым, скорпионы откатились к барханам и там замерли на границе света и почти уже ночи, а я сидел на своей ветке и, кажется, впервые дышал во всю грудь.

Хватило этого минуты на три.

Сигнальные ракеты горят хорошо, но не вечно. Свет пошёл на убыль, как уровень в баке, из которого сливают топливо; лужи под деревом потемнели, взялись коркой, и первая тварь ступила на эту корку — осторожно, по-кошачьи, проверяя, не жжёт ли. Не жгло. Через секунду на остывшее стекло ступила вторая. Дальше счёт пошёл без моего участия. Кольцо сомкнулось у корней, и по коре снизу зашуршало размеренно, с той неторопливостью, с какой поднимаются по лестнице к квартире, которая никуда не убежит.

Примерно тогда я окончательно понял, что никто за мной не придёт. Эфир по-прежнему сыпал мне в шлем обрывки чужого боя, и в этих обрывках для меня не находилось ни одной свободной строчки. Оставался Ипполит с его пешим маршрутом, но пустыню за десять минут пешком не пройдёшь.

В этот момент я запел.

Не от храбрости — храбрость в моём случае выглядела бы кокетством. Скорее от того же, от чего свистят в тёмном подъезде: чтобы рядом звучало хоть что-то знакомое. Первой на язык пришла «Маркиза», та самая, у которой всё хорошо: конюшня сгорела, кобыла сдохла, имение в огне, а дела идут и жизнь легка. Откуда эта песенка взялась в моей голове, я так и не выяснил; с такими песнями всегда так — их никто не учит, они просто есть. Зато к сегодняшнему вечеру она подходила, как патрон к патроннику.

Пел я громко, с чувством и мимо нот, а винтовка подпевала.

Бил я вниз вдоль ствола короткими очередями, по лапам. Целить в корпус не имело смысла: спинной хитин держал пулю, как рельс держит плевок. Зато лапы, тонкие, суставчатые, с влажным блеском в сочленениях, пуля перекусывала довольно-таки охотно. Тварь, потерявшая две лапы с одной стороны, теряла хватку, срывалась и падала на тех, кто лез ниже, и вся живая колонна на несколько секунд сбивалась с шага. Потом шаг, конечно же, восстанавливался. Насекомых-переростков было слишком много, и они были слишком настырны: настырнее меня, настырнее дерева, настырнее самой пустыни, которая, подозреваю, тоже была не в восторге от происходящего.

Между тем окончательно стемнело. На западе горизонт ещё держал одну тонкую линию, словно кто-то подчеркнул край мира красным карандашом и забыл стереть, а всё остальное

залило чернотой. Под деревом дотлевали мои ракеты, два тускнеющих угля, и в их дрожании хитин внизу отсвечивал, как мокрая мостовая под фонарём. Дальше света не было. Дальше был только шорох.

Ратник видит в темноте лучше своего хозяина, и на забрале он старательно рисовал зелёные силуэты: ближайший висел на стволе в трёх метрах ниже меня. Я отработанным движением закинул винтовку за спину, захваты клацнули, приняв оружие, и полез выше. Лез я, ругаясь. Ругал дерево за то, что сухое, ветки за то, что редкие, скорпионов за то, что скорпионы, полковника Барятинского и генерала Ли за их военное упрямство, себя за всё вышеперечисленное разом. Ругань помогала: пока ты ругаешься, ты ещё не боишься. Перчатки пробивали кору, как ломом; захваты на голених впились в ствол с сухим хрустом, и дерево крошилось под ними и сыпалось вниз, на головы тем, кто поднимался следом.

Передний скорпион полз за мной почти вертикально и на очередной ветке привстал: потянулся ко мне передними лапами, как тянутся за банкой на верхней полке. Между нами оставалось метра полтора, и я потратил их с толком. Сорвал со спины винтовку, чуть ли не вбил ствол ему в брюхо, под пластины, и выпустил всё, что оставалось в магазине. В магазине ШАВСа, если кто не в курсе, сотня патронов, но большую половину из них я к тому моменту уже потратил. В упор такая порция свинца делает с насекомым вещи, о которых не говорят при дамах. Морда — то место, где у порядочных существ полагается быть морде, разошлась, и наружу вывалилось тёмное, перебитое, влажное, всё то, чем тварь думала и жевала.

Упасть, как положено, скорпион отказался. Он обмяк, дёрнулся, повис и насадился развороченным брюхом на сук, торчавший из ствола под ним, так и остался висеть, будто пальто на гвозде в прихожей.

Я закинул винтовку за спину, захваты щёлкнули ещё раз, и правая рука сама потанулась к ракетнице.левой я держался за дерево, и отпускать его я не собирался. План был примитивен: последний заряд вниз, в кучу, и ещё немного жизни в кредит.

И тут я увидел огоньки.

Внутри разорванной твари, там, где пули вынесли всё, что можно было вынести, в тёмной массе на долю секунды мигнули две красные точки. Ровные. Одинаковые. Не отблеск догорающих ракет: те горели тускло и вразнобой, а эти светили холодно и точно, как индикаторы на панели. Две секунды. Может, три. Так светятся датчики на приборной панели в тёмной рубке, и ничего похожего внутри живого существа быть не может. Впрочем, как не может. У Хили и у Кабана такие же. Погодите-ка. Додумать мысль мне не дали. Следующий скорпион полез через висящего собрата, накрыл его хитином, и точки исчезли.

Показалось? Ратник мог сглотить. Глаза могли подвести. Мог сглотить и я сам, после всего произошедшего и происходящего этот вариант из трёх был самым естественным. Выяснять времени не оставалось: тварь, перелезшая через висельника, уже нащупывала лапой мою ветку.

Ракетница смотрела вниз. Палец лежал на спуске. И в последнее мгновение я вдруг передумал.

Почему, не понял ни тогда, ни потом. Жечь их было бесполезно: они возвращались после каждой вспышки и вернулись бы снова. Может, это был жест, какие делают отчаявшиеся люди. Типа, последняя надежда, с которой трудно расстаться. В общем, я поднял руку над головой и выстрелил в небо.

Ракета ушла вверх с шипением и раскрылась высоко-высоко над пустыней: сначала точка, потом звезда, потом медленно плывущее к барханам солнце размером с ноготь. Она горела там долго и одиноко, и я смотрел на неё, задрав голову, как смотрят в окно уходящего поезда, на котором тебя не оказалось.

Почему-то первым делом я вспомнил Толика. Не лицо — голос: «Не вздумай всё там выкосить без меня, обижусь». Выкосил я, брат, немного, остаток твой, обещаю. Потом пришёл

Папа — с сигарой, с дубинкой, которой он охаживал нас с Толянов в первый день «знакомства», с «мажорчиком», к которому я привык настолько, что от другого обращения уже вздрагивал; и за этим басом, как обычно, потянулись остальные. Капеллан, читающий свою долину смертной тени. Мэри, у которой «попробуй только застрять» означало гораздо больше, чем она согласилась бы признать. Кроха, улыбающийся во все зубы так, будто радость — это тоже вид силы. Ну, и Ипполит, который в эту самую минуту наверняка смотрел на общий экран, где моя метка погасла, и прокладывал курс, потому что обещал. Хорошая компания. Лучше не бывает. Сейчас я собирался её подвести.

Потом мысль пошла дальше, туда, где я давно не бывал. Бабуля. Баба Кыся, с её стальным взглядом, крючковатым носом и матом, от которого краснели члены совета директоров. Она сейчас на Деметре-3 и наверняка думает, что внук в очередной раз выкинул фортель, а фортель вот он — висит на дереве и смотрит на ракету. Крёстный, чьё лицо я вдруг увидел так ясно, будто он стоял под деревом среди скорпионов и молча ждал, когда я закончу делать глупости. Прошлая жизнь целиком: пентхаус, флайкары, гостинные, которые я громил и за которые Ипполит потом выставлял мне счёт. Всё это существовало где-то далеко, в другой галактике, и человек, который там жил, показался мне сейчас незнакомым и не очень приятным типом. Жаль только, что закончить придётся не ему, а мне.

Ракета догорала. Я позволил себе пожалеть себя ещё пару секунд, с полным погружением. Потом жалость кончилась, как патроны в магазине, и на её место встало другое — то самое, что поднимало меня на Новгороде-4 и сегодня дотащило от мёртвой багги до этой ветки. Названия у него нет, а если есть, то непечатное.

— Не дождётесь, суки, — сказал я вслух. Кому именно, уточнять не стал: вариантов внизу было предостаточно.

Последний магазин, сержантский, вошёл в винтовку с сухим щелчком. Я вернул её на спину и полез выше — туда, где ветки становились совсем редкими, а ствол тоньше. Перчатки врезались в кору, как в сырую штукатурку, захваты на ногах выгрызали опоры, и всё моё восхождение сопровождалось треском, ругательствами и обрывками «Маркизы». Скорпионы лезли следом, и вот тут дерево напомнило, что оно мёртвое уже дольше, чем я живу.

Ветка под моей ногой хрустнула и ушла из-под подошвы вместе с опорой и представлением о том, что такое «стоять». Я только успел только вбить левую перчатку в ствол: бронированные пальцы прошили кору и вошли в сухую сердцевину по самые запястья. И на этом я повис. На одной руке, над копошащейся тьмой, болтая ногами, как школьник на турнике, который переоценил свои силы на глазах у девочек. Держал меня, если по правде, не я, а бронескаф: сервоприводы перчатки сжались и застыли, и мне оставалось следить лишь за тем, чтобы дерево держало ратник. Кисть внутри перчатки при этом жила своей жизнью: пальцы затекали, локоть тянуло, а плечо честно докладывало, что не подписывалось висеть на нём вместе с бронёй, оружием и всей моей биографией. Внизу, метрах в пяти, копошилось, щёлкало и лезло.

Что делает человек в такой позе? Правильно. Поёт.

— Всё хорошо, прекрасная маркиза, — сообщил я тварям внизу и свободной рукой снова выдернул винтовку из-за спины.

Стрелять было неудобно, неточно и совершенно не по уставу. Зато скорпионы, к их чести, помогали как могли. Первую очередь я всадил в ближайшего, в переднюю пару лап; он сорвался. Вторую — в того, что пошёл вместо него, и он тоже сорвался, но не сразу, а с задержкой, как будто раздумывал. Отдачу ратник глотал, качая меня на руке, и между очередями приходилось ждать, пока меня перестанет мотать. Пуля, лапа, падение. Пуля, лапа, падение. Ритм получался почти музыкальный, и я добросовестно вписывал в него куплеты. Внизу с каждым куплетом кто-то падал. Такого успеха у публики я не имел ни на одной вечеринке.

Третий скорпион был умнее. Или голоднее. Он держался на стволе еле-еле, зацепившись за кору и за спины собратьев, и, вместо того чтобы лезть, привстал и махнул клешней. Удар

пришёлся по цевью, кисть онемела, и ШАВС упала вниз, в темноту, коротко стукнув по чьему-то панцирю.

Правая рука дёрнулась к набедренной кобуре раньше, чем я успел ей это приказать. Пистолет выскочил из кобуры сам, будто ждал этого весь вечер, и я нажал спуск, целясь примерно туда, где лапы цеплялись за кору. Пистолетные пули для лидскорпиона — щекотка, и любую другую тварь они бы только разозлили. Но, эта висела на честном слове. Слово кончилось. Лапы разжались, скорпион накренился и ушёл вниз, сдирая за собой ещё двоих.

— А-а-а! — заорал я. Что именно, не помню; кажется, что-то победное, из категории «знай наших».

Крик оборвался сам, и вместо него по спине под бронёй прошёл холод. Медленный, липкий. Я стрелял очередью. Не считая. И если выпустил всё...

Планка индикатора на затворе горела одной чёрточкой.

Один патрон.

Я выдохнул так, будто из меня выпустили весь воздух, и, наверное, впервые в жизни обрадовался цифре «один». Странная арифметика: за один патрон, оставленный себе, я испугался сильнее, чем за все выстрелы в тварей вместе взятые. Страх перед тем, что тебя сожрут живым, оказывается сильнее страха собственной рукой вышибить себе мозги. Не знал. Теперь знаю.

Под ногами уже скребли по коре следующие. Я откинул забрало, развернул пистолет и навёл его себе в лицо.

И остановился. Стрелять себе в глаз — будет смотреться некрасиво даже по меркам штрафбата. Картина получится такая, что перед мужиками неудобно.

Я включил передачу. Канал ответил той же глухой ватой, что и весь вечер. Слышат меня или нет, я не знал, но говорил на всякий случай отчётливо, как диктуют адрес.

— Всем, кто слышит. Это Васильков. — Голос сорвался, и я откашлялся, будто дело было в пыли. — Толик, брат, байку про ресторан на орбите я тебе так и не дорассказал. Считай, что было смешно. Папа... за «мажорчика» спасибо, я привык. Капеллан, помолись по своему разумению, тебе виднее. Мэри... — Тут я замолчал дольше, чем собирался, и договорил другое, не то, что хотел: — Держись там. Кроха, поешь за меня после боя. Ипполит, отбой пешему маршруту. Это приказ.

Эфир шипел. Скорпионы скребли.

А потом сквозь шипение, на самом краю слышимости, приём выдал мне обрывок чужого разговора: Папин бас рычал что-то про «правее, правее, мать вашу», и в ответ Толик кричал, что видит, что заходит, что ещё чуть-чуть. Не мне. Они дрались где-то в своих квадратах, за себя и за своих, и правильно делали. Я послушал их секунды три, как слушают из-за стены соседскую свадьбу, на которую тебя не позвали, и выключил. Уходить под такое звуковое сопровождение не очень хотелось.

По-прежнему держа пистолет, а пальцем нащупал кнопку на воротнике. Шлем расстегнулся с сытым щелчком, и я стянул его с головы — он полетел вниз и пропал в темноте. В лицо ударил ночной воздух: сухой, чужой, пахнувший горелым и той сладковатой дрянью, которой пахнут раздавленные скорпионы. Сразу навалились новые звуки: шорох сотен лап, скрип коры, далёкий, еле различимый шелест ветра над барханами. Без шлема пустыня оказалась куда громче.

Пистолет лёг к виску, холодный даже сквозь пот. И тут я поймал себя на том, что улыбаюсь. Я только что спорил сам с собой о том, в какую часть лица стрелять, твари внизу этого спора всё равно не оценят: сожрут до косточек всё, возможно, включая косточки. Какая разница, где будет дырка. Кажется, я даже хмыкнул.

Палец уже лёг на спуск.

В следующее мгновение пустыня внизу вспыхнула.

По стволу дерева, по копошащейся массе у корней прошли трассы — толстые, оранжевые, крупнокалиберные, с частотой швейной машины и звуком, который ни с чем не спутаешь: тугие удары в дерево и влажные, лопающиеся — в хитин. Скорпионов рвало пополам. Тех, кто держался за ствол, снимало с коры одной кинетикой, как мокрые тряпки с верёвки, и уносило в темноту вместе с кусками дерева. Щепки летели даже мне в лицо. Ствол под моей рукой вздрагивал при каждом попадании, будто дерево наконец дожило до того, ради чего так долго здесь стояло.

А через пару секунд сверху навалился гул. Турбины. Ровный, мощный, знакомый до последней ноты гул машины.

Я задрал голову.

Из черноты, заслоняя мою последнюю, ещё едва тлеющую звёздочку, на дерево надвигался силуэт с огнями. Тупой нос, короткие крылья, турбины, бьющие вниз двумя белыми столбами, в которых крутилась поднятая пыль и песок; а под брюхом коротко и ровно пульсировало пламя бортовой пушки, и каждый её вздох отзывался внизу мокрым треском. Я узнал эту машину. Я видел такие на Новгороде-4 столько раз, что мог бы нарисовать с закрытыми глазами. Стандартный боевой аэролёт. Такой же, на каком тогда летала...

Додумать имя я не успел. Над пустыней, перекрывая турбины, рявкнул мегафон, и голос в нём был девичий, звонкий и чуть насмешливый:

— Не торопитесь вышибать себе мозги, рядовой. Вы ещё понадобится Империи... и мне.

Не понял! Это что — капитан Бекетова. Яна. Я узнал этот голос раньше, чем в него поверил. Вися на одной руке над разорванными тварями, с пистолетом у виска и одним патроном в стволе, я честно попытался определить, что происходит: галлюцинация от переутомления, или я уже нажал на спуск, и это то самое, что показывают после. В любом случае выходило неплохо.

Глава 2

— Что завис? Лови верёвку, Васильков.

Голос Яны второй раз за минуту вытаскивал меня из того места, куда я уже почти уехал, и на этот раз я ему поверил. Галлюцинации, насколько мне известно, практических советов не дают.

Из брюха зависшего аэролёта пошёл вниз трос лебёдки — тонкий, с тяжёлой скобой на конце. Фары подсвечивали его сбоку, и он раскачивался, как маятник. Пыль от турбин была в лицо, глаза слезились, и целиться в этот маятник мне предстояло примерно так же, как я целился весь вечер: приблизительно и с надеждой.

Скоба приближалась ко мне по дуге, скорпионы тоже ко мне приближались, и оба процесса явно собирались завершиться в одну и ту же секунду. Внизу подо мной уже перебирали лапами по стволу, и я слышал, как хитин трётся о хитин: сухой, шершавый звук, будто кто-то шёл по гравию в тяжёлых ботинках.

Я выждал. Скоба качнулась в сторону, вернулась, прошла в метре — и на следующем махе я выдернул левую перчатку из ствола, вместе с трухой и куском коры, и поймал трос. Полсекунды я летел. Потом трос дёрнул за плечо так, что ратник крикнул на всех сочленениях, и я повис уже на нём, между небом и клешнями, правой продолжая сжимать пистолет.

Клешни внизу этого ждали. Одна щёлкнула в пустоту, где меня только что не стало. Вторая не промахнулась: сжалась на голени, ниже коленной пластины, и ратник отчётливо доложил мне о дополнительно нагрузке — не столько болью, сколько тем, что нога перестала быть моей.

Трос пошёл вверх. Скорпион пошёл вместе с ним.

Он висел на мне, перебирая лапами по воздуху, и весил, судя по тому, как заскулила лебёдка, немногим меньше меня в броне. Брать его с собой в салон я не собирался: тесная кабина, живой лидскорпион и девушка, которая только что спасла мне жизнь, — даже я понимал, что это скверная компания для одного помещения. Отпустить трос — тоже не вариант, внизу меня ждали заинтересованные лица.

У меня же оставался патрон. Тот самый, который я собирался потратить с куда меньшей пользой.

Стрелять из пистолета в тварь, которая болтается на твоей же ноге, — упражнение, которого нет ни в одном курсе огневой подготовки, и понятно почему. Ствол ходил кругами. Скорпион раскачивался. Фары сверху били в хитин и делали из него зеркало, в котором плясали мои же собственные ноги. Я дождался, когда то, что служит этим тварям лицом, качнётся под ствол, и нажал на спуск.

Пуля ушла ему в глаз. Не в панцирь, не в клешню, не мимо — прямо в круглую чёрную бусину размером с монету, и как это получилось, я объяснить не смогу. Клешня разжалась. Тварь скользнула по ноге, скребнула по броне на прощание и полетела вниз, к своим. Свои приняли её без соболезнований и без особого интереса.

Дальше был подъём. Ратник всё ещё что-то доказывал мне по поводу голени, лебёдка гудела, дерево уменьшалось в размерах, и я вплыл в квадрат света, обрамлённый краем люка.

Десантный салон аэролёта я тоже помнил по Новгороду: с откидными сиденьями, рифлённый пол, красный дежурный свет, от которого у всех лица делаются одинаково нездоровыми. Здесь всё было то же самое, только народу меньше — ровно ноль. Люк за мной захлопнулся. Гул турбин стал глуше и ровнее, из рёва превратился в вибрацию под ногами, и я стоял на этом полу, покачиваясь, с пустым пистолетом в руке и без единой мысли в голове, кроме той, что пол не движется и не пытается меня съесть. Уже хорошо.

Дверь в кабину была открыта. Оттуда, с левого кресла, повернулась пилот, и я её наконец, увидел.

Яна Бекетова сидела вполоборота, одной рукой держа машину, лётный шлем с поднятым забралом, комбинезон, лицо, подсвеченное снизу приборами. Она смотрела на меня так, как смотрят на посылку, которую заказывали давно и уже перестали ждать: любопытство, проверка комплектации, лёгкая насмешка над собственным терпением. Насмешка удерживала лицо в рамках устава. Всё остальное в этом взгляде с уставом не сверялось.

Я стоял с открытым ртом. Осознал я это по тому, что в рот залетела пыль, а закрыть его не получалось: лицо занялось чем-то другим, чем-то широким и глупым, и мышцы сдались этому без боя.

— Рядовой, — сказала Яна. — Рот закройте. Вы в кабине боевой машины, а не в кондитерской.

— Ты, — сказал я. На большее словарного запаса не хватило.

— Удивлён? — Улыбнулась она щёлкнула чем-то на панели, и машина осталась висеть сама, а Яна расстегнула ремни, выбралась из кресла и остановилась передо мной в шаге. Оказалось, что она мне по плечо — при моём нынешнем росте в бронескафе и при моей нынешней осанке. — Ну и видок у вас, рядовой Васильков. Как знала: мужиков нельзя оставлять без присмотра.

Пистолет я уронил в кобуру не глядя. Потом обнял её.

Обнимать человека, когда на тебе ратник, — отдельное искусство. Броня усиливает движение, и то, что снаружи выглядит объятием, внутри рассчитывается как захват; руки я держал так, будто передавал ей хрустальную вазу. Вернее, будто сам был этой вазой и боялся расколоться. Яна прижалась щекой к нагруднику — к горячему, пропылённому композиту, заляпанному дрянью из скорпионов, и не отодвинулась. Я чувствовал через броню, как она дышит. Что чувствовала она через мою броню, знать не хотелось: состоял я в этот момент в основном из пота и горелого песка.

— Живой, — сказала она в нагрудник.

— Кажется. Ещё не проверял.

— Проверим. Позже.

И вот между этими «живой» и «позже» внутри у меня открылся ящик, который я держал закрытым все последние недели, и из него, как из плохо собранного шкафа, посыпалось всё и разом.

Она сказала в мегафон: «нужен мне». Я это услышал. Что нужен Империи — не новость: Империя без штрафника Василькова не обойдётся, кто ж ещё полезет туда, куда приличным людям нельзя. А вот второе... На Новгороде-4 между нами кое что начиналось. Начаться толком правда не успело: после победы над богомолами нас отправили в отпуск на Новую Москву-3, а вернулся я на планету уже когда капитан Бекетова перевелась, куда именно, рядовым не докладывают. Я погрустил. Скажу как есть: недолго. Молодость, лёгкий характер и, да, влюбчивость — от этой характеристики мне не отвертеться, факты свидетельствующие против меня.

За это время я успел закрутить роман с Ташей Николаевой, которая потом оказалась не Ташей, и не журналисткой, а капитаном ордена ушкунников. И это ещё не всё. Была Катя Семёнова, сестра моего погибшего однополчанина, с которой роман не начался только потому, что я в тот день убегал от полиции и от ИСБ, а одновременно бегать и ухаживать сложновато. Но, думать о Кате я не перестал. Ни в одну из этих ночей.

Так что капитан Бекетова с путями, разошедшимися с моими на десятки звёздных систем, признаюсь, постепенно отходила в моём сердце на задний план. Туда, где хранят хорошие воспоминания, к которым никто не собирается возвращаться.

И вот она стоит, прижавшись щекой к моему нагруднику, и смотрит на меня — тем самым взглядом. Я прочитал его даже сейчас, будучи на взводе, с песком за воротником и с ногой, ещё не решившей, моя она или нет. Читалось ясно: Яна ждёт продолжения. И ждёт сильнее, чем в нашу первую встречу.

Проблема, сказал я себе. Отложим. У меня сегодня уже была очередь из проблем, и эта — единственная, которая не собиралась меня съесть. Пусть постоит в конце.

— Садись в правое, — сказала она и хлопнула по нагруднику, как хлопают по борту машины. — Штурмана у меня нет, будешь за него. Нажимать ничего не надо, только смотреть в окно и восхищаться.

Кресло второго пилота приняло ратник со скрипом, но приняло. Панель светилась перед носом: экраны, шкалы, тепловизор, на котором серо-зелёным шевелилось то, от чего я только что упорхнул наверх. Яна вернулась в своё кресло, легла ладонями на штурвал, и машина, почуяв хозяйку, чуть просела и пошла вокруг дерева по кругу. Под брюхом снова заработал бортовой пулёмёт — короткие, ленивые очереди, будто она не стреляла, а поливала клумбу из шланга.

Что происходило внизу, я видел в тепловизоре. Скорпионы уходили. Те, что висели на стволе, сползали и бросались от дерева врассыпную; те, что толпились у корней, разбегались лучами по песку и ныряли в него один за другим, как ныряют с бортика по свистку тренера. Круг под деревом пустел с такой скоростью, будто там объявили проверку документов. Через минуту на экране остались только серые кляксы остывающего хитина да десяток недобитых, дёргавших лапами.

— Смотри-ка, — хмыкнул я. — Быстро соображают.

— Ещё бы. — Яна дала короткую очередь по одному из уходящих; тварь споткнулась и осталась лежать. — Как только увидели, что тебя не достать, — всё, представление окончено, зрители расходятся. Под пулёмётом стоять они не любят. Совсем не как насекомые себя ведут, правда?

— Я уже второй день пытаюсь считать их насекомыми. Получается плохо.

— И не старайся. Я тут второй месяц, и у меня тоже не получилось.

Я посмотрел на неё. Она вела машину, не поворачивая головы, и говорила ровно, по-рабочему, как докладывают о погоде.

— Эскадрилью перевели сюда, на Караим-4, когда скорпионы всерьёз пошли на поселения. С тех пор отсюда не вылезает. — Пауза; очередь; пауза. — А потом я узнаю, что в одном из брошенных посёлков сидит тринадцатый штрафной, собирается за периметр на разведку, и что в нём — некий рядовой Васильков. — Тут она всё-таки повернулась, и подсветка приборов сделала с её лицом то, что фары раньше делали с хитином: превратила в зеркало, и в нём я увидел себя — ошалевшего, счастливого и в саже. — Скажите, рядовой Васильков, вы верите в судьбу?

— С этого дня я верю в лебёдку.

— Правильный ответ. Судьба — это для романов. — Взгляд девушки задержался на мне на секунду дольше, чем требовалось для управления машиной, и вот в этом взгляде романтики было ровно столько, чтобы я решил с определением не спорить.

— Как ты меня нашла? — спросил я, чтобы уйти с тонкого места.

— За это благодарите своего дворецкого.

Я моргнул.

— Ипполита?

— Не знаю, как его зовут, мы не знакомились. Робот-андроид: очень вежливый, очень настойчивый и очень разговорчивый. Утром он прилетал в столичный полис забирать у местной обороны аэробагги и на любой вопрос отвечал очень развёрнуто. Особенно на вопрос, кому он эти багги везёт. Полковник сил обороны хотел от него избавиться любым способом, и я

помогла — уговорила выдать машины и топливо. Из чистого любопытства. — Слово «чистого» было произнесено таким тоном, что его можно было вынести из фразы без потерь для смысла.

Мозаика в моей голове сложилась с опозданием, зато со щелчком. Женщина-офицер местного гарнизона, которая «приняла живейшее участие». «К слову, она красива» и «оцениваю по симметрии». Расспрашивала про батальон — и Ипполит, который в жизни не бывал на Новгороде-4 и не мог знать, кто перед ним стоит, выложил ей всё: где мы сидим, что затеяли, сколько нас. Она удивилась совпадению раньше меня и ничего мне не передала. Разумеется. Зачем передавать, когда можно потом появиться из ночи с пулемётом.

— Ты знала, — улыбнулся я. — Ты уже тогда знала, что я здесь.

— Я знала, что здесь тринадцатый штрафной и что среди них некий Васильков, о котором дворецкий говорит в основном сокрушённым тоном. — Она пожала плечами. — Дальше проще. С этими тварями я работаю не первую неделю и знаю, насколько они умнее, чем выглядят, поэтому и слушала эфир. Всё, что связано со скорпионами, даже если это меня не касается. И вот полчаса назад, на всех частотах, до каких он смог дотянуться, начал кричать какой-то робот. Что на аэробагги его господина совершено нападение. Что господин просит помощи. Что метка господина пропала с экрана. Что он требует, настаивает и ходатайствует. Обращения вперемешку со стенаниями заполнили эфир. Будь у твоего слуги доступ к государю-императору, он бы и его с постели поднял.

— Узнаю Ипполита, — подтвердил я. В горле почему-то сделалось тесно. Мой андроид, сидя рядом с полковником Барятинским в пустом посёлке, не поставил бы и секунды на то, что я умер, — и звонил всем, до кого мог, пока эфир не устал его слушать. Пеший маршрут он, видимо, держал запасным вариантом.

— Разрешения на вылет мне никто не давал, — продолжала Яна тем же тоном, каким сообщают, что за бортом ночь. — Я его и не спрашивала. Села в машину и полетела туда, откуда пришёл сигнал. Точных координат не было, только квадрат. Пустыня большая. Я бы ещё долго тебя искала, Васильков... если бы кто-то умный не запустил в небо ракету.

Я вспомнил ту ракету. Руку, поднятую непонятно зачем; жест человека, у которого кончились аргументы. Вышло, что это был единственный аргумент за весь вечер, который сработал.

— Спасибо, — сказал я. Получилось тихо и всерьёз, и добавить я к этому ничего не смог, потому что все остальные слова были меньше того, что я хотел сказать.

Яна не повернулась. Только уголок рта у неё чуть дрогнул.

— Будешь должен.

Она сделала ещё один круг над деревом — низко, с фарами. Внизу лежала наша багги: мёртвая, с развороченной кормой, наполовину засыпанная; чуть дальше темнело пятно, которое было сержантом. Я заставил себя смотреть. Яна тоже смотрела, пулемёт молчал.

— Из твоей группы кто-нибудь остался? — спросила она.

— Нет.

Она кивнула, не переспрашивая. Пилот, который вытаскивает людей из-под скорпионов, знает цену этому слову и лишних вопросов не задаёт.

— Ладно, тогда уходим на базу. — Голос перестроился в служебный без перехода. — Твари ушли под песок, смысла палить нет. Топливные баки у меня не резиновые. К тому же мне ещё предстоит объяснять, куда я улетела без разрешения и по личным мотивам, и чем раньше вернусь, тем меньше слов уйдёт на объяснения.

— Рано на базу.

Она повернулась.

— Что?

Я мотнул головой в темноту, туда, где, по моим прикидкам, лежали соседние полосы.

— Здесь, недалеко, мои. Они шли ко мне на помощь, и их встретили на подходе — из-под песка, по всем правилам. Я слышал в эфире, пока антенна ещё принимала. Они дрались. Их нужно забрать.

— Кто — это они?

— Штрафники. Папа... сержант Рычков. Толик. Мэри, Капеллан. Кроха.

Имена она узнала: лицо на секунду сделалось совсем неподвижным. Новгород-4, охота на матку-богомолуху, которую мы тогда взяли живой и её же крики о помощи пустили в эфир, чтобы оттянуть голодных детёнышей от поселения, — Яна их помнила. Только вот дружеских чувств к солдатам тринадцатого штрафного, за исключением одного рядового, капитан Беке-това, судя по лицу, и тогда не испытывала и теперь испытывать не собиралась.

— Васильков. — Она говорила медленно, подбирая слова, как подбирают патроны из рассыпанной пачки. — Я знаю этих тварей под нами. Я сейчас не о Папе... Если твоих товарищей встретили из засады, на открытых машинах, да ещё и на закате... — Пауза. — Скорее всего, забирать уже некого. Это не жестокость. Это опыт.

— Моих так быстро не убить.

— Да, ладно.

— Проверено.

— Слушайте, рядовой. — Она откинулась в кресле. Взгляд стал служебным, спина прямой, и я узнал приём: так офицер надевает на себя звание, как надевают шинель, когда становится холодно. — Напоминаю: старший по званию на этом борту — я. Машиной управляю я. Вы — пассажир. Единственный спасённый пассажир, коим на сегодня я намереваюсь ограничиться.

Я не ответил. Смотрел на неё.

Офицера она строила старательно, и я понял зачем. Она боялась. За себя — потому что лезть ночью в чужую засаду на одной машине с одним пулемётом было безумием, и она знала это лучше меня. И за меня — потому что ей только что удалось вытащить одного идиота из ловушки, а идиот теперь просился обратно. Вслух она этого не скажет. Она надеется, что здравый смысл во мне сам примет правильное решение и снимет с неё необходимость спорить. Расчёт хороший. Только у штрафника здравый смысл выдаётся по остаточному принципу, после патронов и воды.

— Капитан, — сказал я. — Тогда так. Открывайте люк.

— Что?

— Люк, говорю, открой. Я лучше выпрыгну и пойду пешком. Тут недалеко. — Я показал на панель, где сектор лежал разложенной на столе картой. — Пешком дольше, конечно. Но к своим я всё равно пойду. Без них я отсюда не улечу.

Она молчала. Смотрела на меня так, как смотрят на дверь, которую заведомо не удастся запереть.

— Вы понимаете, что это глупо, рядовой?

— Так точно.

— И что, если мы туда полетим, я могу потерять и машину, и себя и тебя?

— Это я тоже понимаю. Поэтому откройте люк, капитан.

Она отвернулась к панели. Плечи опустились на сантиметр — офицер снимал шинель.

— Ладно, не ершиться, рядовой Васильков. — Партию эту она проиграла, кажется, ещё до того, как начала, знала об этом и тянула только ради попытки спасти нас обоих. — Летим забирать ваших непутёвых товарищей.

Она сказала что-то ещё, себ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.